

КНИГА ПЕРВАЯ

ВКУС ЗАПРЕТНОГО ПЛОДА

После того как на сеансе у Назиры все раскрылось, между Салаватом и Зульфией состоялся серьезный разговор. Он дал ей понять, что между ними все кончено. Но она и не думала оставлять его в покое. Вот и сегодня позвонила:

— Алло, здравствуй, дорогой...

— Сколько тебе повторять: не звони больше, не ищи встреч, отношения между нами окончены, — поспешил прервать ее Салават.

— Милый, выслушай меня хоть раз, пожалуйста, я тебя очень люблю! Жить без тебя не могу...

— Потому и сделала мне приворот, а на Лилию порчу навела?

— Салават, ты опять об этом? Это все неправда, Лилия наговаривает!

— Хватит, устал я уже от твоей лжи.

— Любимый, я не обманываю: ни тебя, ни Лилию я не околдовывала! Это пустая болтовня твоей жены! Я тебя... не знаю даже, почему... люблю очень! Тебя больше никто не полюбит так, как я, запомни мои слова. Я так по тебе соскучилась! Пожалуйста, подари мне всего одну, самую последнюю встречу! Потом можешь навсегда бросить. Понимаю, тебе нужно выбрать одну из нас. Ведь мы с Лилией никогда не уживемся вместе. Я не соглашусь делить тебя с ней. Сам подумай,

как я смогу отдать тебя ей, если люблю без памяти? Это невозможно. Понимаю, ты выбрал Лилию. Все-таки у вас трое детей, долгие годы жизни. Умоляю тебя, Салават, одно-единственное свидание, последняя встреча... потом можешь бросить, — заклинала Зульфия.

На какой-то краткий миг сердце Салавата, камнем отвердевшее к Зульфие, чуть смягчилось: сколько мольбы в ее голосе, как она страдает... Может быть, не виновата она? Но тут же, вспомнив об увиденном Лилией, он вздрогнул, сердце похолодело: врет змея, нельзя ей верить.

— Ну почему же ты молчишь? Любимый, подари мне всего одну встречу, последнее свидание! Неужто забыл, как соединились наши тела и души? Как нам было хорошо... Уже не помнишь волшебные ночи, когда мы уносились с тобой высоко-высоко? Ни с кем ты больше не испытываешь такого наслаждения. Ведь мы с тобой созданы друг для друга! Нынче твои глаза слепы, на них завесу обмана накинули. Но ты вспомнишь еще меня, затоскуешь, будешь мечтать хоть разок увидеть. Только не будет уже меня...

Салават не выдержал, сам себя не помня, воскликнул:

— Хватит тебе! Не рви мне душу!

— Салават, душа моя, умоляю тебя: подари мне одну-единственную встречу, последнее свидание, последнюю ночь! Если я проведу еще одну ночь в твоих жарких объятиях, то согласна даже умереть, ни о чем не пожалую. Слышишь, всего одну ночь...

Сердце Салавата трепетало в груди, словно птица, попавшая в сети. За что так терзает его душу Зульфия? Неужели не понимает, насколько он истосковался по ее горячим губам, роскошному телу? Может быть, махнуть на все рукой и провести с ней всего одну ночь? В последний раз...

Имеет ли право мужчина лишать любящую и умоляющую женщину счастья последней ночи?

Однако в самый решающий момент Салават осознал: после такой «единственной» ночи он уже никогда не сможет вырваться из пылких объятий Зульфии, и «последнее свидание» обрушится на их едва восстающий из руин мирок разрушительной стихией из «Последнего дня Помпеи» — шквалом кипящей лавы. С трудом взяв себя в руки, он перебил Зульфию:

— Прекрати! Пойми же ты, в конце концов, между нами все кончено! Перегорело, пеплом по ветру разлетелось!

— Салават, я беременна от тебя...

Его как обухом по голове ударило. В оглушенном сознании возникли вопросы: что это? Очередная уловка или вправду ждет ребенка?

— Салават, почему молчишь? Я говорю, забеременела от тебя. Что мне делать? Рожать или нет?

Наступила тягостная тишина. Сердце Салавата уже не трепетало, оно отчаянно билось, как птица в кошачьих когтях. Что делать? Наконец он проговорил:

— Нет у меня права запретить тебе: рожай! Без помощи вас не оставлю.

* * *

Через несколько месяцев позвонила сестра Зульфии. Оказывается, во время той потасовки Лилия пинала ее в живот ногами и повредила плоду шею. Младенец родился раньше положенного срока. Зульфия положила мальчика на подоконник и больше не взяла в руки, ни разу не дала грудь. Мучаясь от боли и голода, младенец весь день надрывно проплакал и затих... Никто не оказал ему помощи. А Зульфия стояла рядом, будто окаменевшая.

Сестра Зульфии сказала: «Чтобы похоронить ребенка как полагается, надо провести обряд и дать имя. Как назвать его?» Салават упавшим голосом ответил: «Урал». Когда она добавила, что нужно заказать памятник и ограду, отправил деньги.

После услышанного Лилия несколько дней ходила в подавленном настроении: «Не знала я, что она в положении. Кабы знала, не стала бы пинать в живот», — сказала с сожалением. Видя, что Салават почернел от горя, с привычной уверенностью заявила: «А ты не убивайся, ребенок не от тебя». Но ее слова не утешили его...

Если зачатый в запретной любви, но невинный младенец был избит уже в утробе и покинул этот мир в страшных муках, жаждая спасения и утешения в материнских руках, но так и не получив их, насколько же мы погрязли во грехах мерзостных? Чем же смыть мученические слезы ребенка, чистые, как утренняя роса? Как искупить тяжкую вину за убийство младенца? Возможно ли это? О Всевышний, наставь на путь истинный, спаси наши души!

* * *

Дар ясновидения и целительское мастерство Лилии с каждым днем раскрывались ярче. Увеличился и поток посетителей. Простые люди, едва выбравшиеся из болота безденежья и нищеты начала девяностых, но по пояс увязшие в черной топи кризиса девяносты восьмого, приходят к Лилии в надежде получить подсказку для облегчения своей тяжелой жизни. В последнее время к ней тянулись и люди, занимающие более высокое положение в обществе. Судьи, нотариусы, врачи, журналисты, преподаватели вузов и учителя, чиновники и начальники — кто только не стучался в дверь их квартиры! Можно уточнить: две женщины-врачи лелеяли надежду, что Лилия поможет им выйти замуж. Стыдливо скреблись к ней и одинокие женщины, к которым повадились каждую ночь наведываться пярети — сексуально озабоченные демоны. Зачастили и предприниматели, терпящие убытки от экономического кризиса. Они спрашивали Лилию о способах избавления от угрозы банкротства, просили помочь привлечь удачу, ухватить птицу счастья за хвост.

Судьбы некоторых посетителей были весьма поучительны. История одной женщины остерегает от нарушения данного слова.

...Молодую девушку после окончания медучилища направили работать в глубинку, в дальний аул, где она подружилась со славным парнем. Договорились пожениться. Когда был назначен день никаха, она позвонила сестре и пригласила на бракосочетание. А та строго-настрого потребовала: «Даже не думай выходить замуж в этой глухомани! Вернись домой, будешь ухаживать за престарелой матерью». Девушка не смогла перечить старшей сестре.

Когда она отказала парню, тот устыдился идти домой, где уже собралась вся родня на празднество. Весь день бродил по лесу. Не дождавшиеся жениха с невестой удивленные гости разошлись по домам. А всерьез оскорбившиеся старухи из рода несостоявшегося жениха не смирились с этим: накинули платки на седые головы изнанкой вверх, прочли баддуа — заклинание-проклятье — со словами: «Пусть не познает нарушившая

обещание девушка женского счастья!», воздели руки тыльной стороной к небу и провели затем ими по сморщенным лицам.

Проклятые старух исполнилось — не довелось той девушке испытать семейного счастья. Единственной ее дочери тоже не повезло с мужем. А четырехлетний внук все еще не говорил. Лилия посоветовала женщине поехать в тот аул, найти мужчину, с которым она была помолвлена в молодости, и попросить прощения за несдержанное обещание.

Спустя несколько недель женщина вновь наведалась к Лилии и поделилась радостью: съездила, увидевшись с бывшим возлюбленным, попросила прощения. Они объяснились друг с другом и, испытав огромное облегчение, попрощались. Она вернулась домой — а там внук заговорил...

Следующая история учит серьезно относиться к родительскому благословию. Есть в ней, впрочем, и курьезный момент.

В одном ауле собрались пожениться парень с девушкой. Однако мать невесты категорически воспротивилась их свадьбе. Причина была — курам на смех. В общем-то, неплохой парень несколько лет назад совершил большую глупость. Хоть и не алкоголик, но, напившись в стельку, забрался ночью в сельсовет и справил там нужду. Аул есть аул, начальство быстро выяснило, чья это проделка, и парню вlepили пятнадцать суток ареста. Учитывая, что несуразное событие случилось в начале восьмидесятых, он легко отделался. Хорошо еще, что совершенной спьяну выходке не придали политической окраски и не посадили...

Воспитанная на советских устоях, мать девушки не смогла простить будущему зятю его вину. И твердо заявила дочери: «Не получит тебя враг народа, посмеявшийся нагадить на советскую власть, построенную Ленин-бабаем и Сталин-бабаем! Не жди от меня благословения...»

Дочь не послушалась матери, молодые поженились. Да только... хоть и прожили вместе около двадцати лет, вырастили двоих детей, а никак не обживутся. Больше десяти лет проработали на Севере, но до сих пор не имеют собственного жилья. Сколько бы ни зарабатывали — нет бараката¹, деньги будто сквозь пальцы утекают неведомо куда.

Лилия взглянула на них и сразу дала совет: «Купите красивое платье, платок, гостинцы и поезжайте в аул просить у матери фатиху²».

После получения материнского благословения, как по волшебству, к ним пришла удача: купили по ипотеке трехкомнатную квартиру, обновили машину, зажили в благополучии...

Открывшийся дар Лилии доставлял семье немало бытовых неудобств. Их и прежде часто посещала многочисленная родня из аула, но теперь дом вообще превратился в проходной двор. По вечерам было не протолкнуться. Вернушемуся с работы Салавату иногда даже не приходилось местечка прилечь и отдохнуть. Но он терпел, понимая, что они на верном пути и творят людям добро. Не только терпел, но еще и возил Лилию к безнадежным больным, которым врачи уже не могли помочь.

Вот и сегодня поехали к тяжелобольным, находящимся при смерти.

На страшно исхудавшую молодую женщину было тяжело смотреть: в почти потухших глазах ни искры надежды, даже говорить не может.

— Кушает хоть немного? — спросила Лилия у ее матери, беспомощно суевающейся возле постели больной.

— Больше недели ни крошки в рот не брала, только воду пьет по глотку-другому в день. — Она горестно вздохнула.

— А врача вызывали?

— Да, много раз. И в больнице лежала — только распознать не могут хворь...

Лилия уставилась на больную тяжелым, осуждающим взглядом:

— Вижу: пила, курила, водилась с женатыми мужиками, семья разрушала... — В глазах Лилии блеснул гнев. — За грехи твои послана болезнь!

Мать испуганно поддакнула:

— Ох, сколько я ей говорила, не слушалась. Что ж нам теперь делать-то? Пожалуйста, помогите, помирает ведь...

— Это зависит не только от меня. Хочет выжить — должна покаяться и исправиться.

— Она исправится, вы только помогите, умоляю!

Лилия повернулась к женщине:

— Помогу, если дашь слово в корне изменить свою жизнь. Согласна?

У больной не было даже сил кивнуть, она лишь чуть шевельнула ресницами в знак согласия.

— Мысленно повторяй за мной: о Всевышний, искренне каюсь! Пожалуйста, прости мои прегрешения! Навсегда бросаю греховный образ жизни и дурные привычки. Избавь меня от болезни, Всемилостивый! Повторила?

Женщина снова с трудом подняла и опустила веки.

Прищурившись, Лилия вонзила в нее острый взгляд и принялась своим способом вытаскивать хворь. Упорно поработав больше часа, спросила:

¹Баракат (араб.) — божественное благословение, благополучие, достаток.

²Фатиха (араб.) — благословение.

— Полегчало немножко?

Глаза больной чуть оживились. Она, хоть и через силу, легонько кивнула.

— Хорошо, значит, надежда есть. А вы, апай, купите на базаре деревенскую курицу, сварите суп. Сегодня помаленьку поите ее бульоном. Но не больше двухсот грамм! Завтра дадите чуть побольше...

Двинулись по второму адресу. Недавно позвонила подруга юности Лилии, просила посмотреть ее двоюродного брата. Этот человек — бывший офицер милиции. После десяти лет безупречной службы капитана уволили с должности. Причина была пустяковая: получил от торговца микрорынка взятку — два кило сливочного масла. Лилия сначала просто поразились, что такой, по ее словам, непомерно горделивый человек, мнящий себя в молодости чуть ли не аристократом, не погнушался мизерной подачкой. Салават же несколько не удивился: знал он и лейтенанта, в девяностые годы собиравшего с продавцов того же микрорынка по пятирублевой монете.

Капитан очень тяжело пережил увольнение: поддался какой-то незначительной болезни и свалился с ног. По словам его жены, и не помирает, и не выздоравливает, не встает с постели уже несколько лет. Говорит, и врачи не помогли.

Лилия попросила у Салавата разрешения осмотреть больного. Оказалось, несколько месяцев она дружила с ним в далекой юности.

— Ты меня не ревнуешь к нему? — спросила Лилия у мужа.

— Ну что ты говоришь, он же при смерти. Да и дружили вы, сама рассказывала, вполне невинно.

Мужчина тоже был отощавший — кожа да кости. Точь-в-точь узник Освенцима, каких показывают в документальных фильмах про зверства фашистов. Впрочем, хоть и с натугой, но разговаривать он мог. Посмотрев на него, Лилия сделала вывод:

— Причина твоей болезни — в гордыне. Если покаешься и попросишь у Всевышнего прощения за свое высокомерие — встанешь на ноги.

В померкших глазах больного на миг блеснула надежда и потухла. А на пожелтевшем, иссохшем лице отразилось упрямство:

— Гордость... штука нужная... — прошептал он через силу, но с настойчивостью.

Лилия занималась с ним около часа. Затем поехали дальше.

— Не поправится, — сказала она в машине.

— А не рановато йыназа¹ читать?

— Гордыня помешает ему выздороветь.

— Да разве гордый будет пачкаться парой кило масла? — с некоторой брезгливостью возразил Салават.

— Видимо, таким образом и принижает Всевышний надменных... — задумчиво ответила Лилия.

Как в воду глядела Лилия: хоть и возил он ее к больному раз пять-шесть — толку не было.

А та молодая женщина через месяц встала на ноги. Она сдержала слово: бросила разгульный образ жизни, нашла работу.

* * *

Слава Лилии как знахарки с каждым днем ширилась. К ней уже начали приезжать из соседних районов и городов. Вконец утомившись от такого наплыва посетителей, Салават предложил:

— Устал я... Давай арендуем квартиру, будешь принимать людей там.

Немного подумав, Лилия отрицательно покачала головой:

— Потерпи еще чуток, их станет меньше. Скоро начнется совсем новый, очень важный для нас обоих этап духовного развития.

Салават согласился. Он понимал: если не они, так кто же будет спасать тяжелобольных и страдающих от ворожбы и колдовства людей?

Несмотря на утомление от посетителей, Салават все равно ощущал в душе большую радость, даже эйфорию. Будто наконец постиг огромную истину, даже смысл жизни. Оказывается, смысл жизни человека — в неустанном творении добра! Притом без ожидания в ответ вознаграждения. Это и есть лучший способ противодействия злу.

С какой целью мы пришли в этот мир? Для чего живем на белом свете? Сколько же можно барахтаться, преодолевать бесконечные препятствия и невзгоды в погоне за призрачным счастьем? «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой...» Прав ли Гете? Имеется ли какой-то резон в непрерывной борьбе? Важнейшие вопросы бытия одолевали его давно. Салават всю жизнь искал смысл жизни. Вначале полагал, что он нащупал свой путь. Начав писать картины, решил, окрыленный, что смысл жизни кроется в творчестве. Лишившись же радости творить, утешал себя, что суть существования — в счастливой семье. Потом метался, думая, что он таится в любви. А смысл жизни... вот, получается, в чем он...

К Лилии тоже пришло чувство удовлетворенности. Прежде она была вечно недовольна собой, часто сетовала: «Хоть я и самая способная дочь своих родителей, ничего путного из меня не вышло — не смогла даже окончить библиотечный техникум. Все потому,

¹ Йыназа — заупокойная молитва в исламе.

что полностью растворилась в тебе. Живу только ради тебя и детей. А ты выбылся в люди: получил высшее образование, известен как художник, стал предпринимателем». В такие моменты Салават утешал ее: «Заботиться о муже, ухаживать за детьми и беречь семейный очаг — самое большое счастье и достижение для женщины. Подумай сама: разве счастливы Маймуна и Дилляра из нашего аула, вышедшие не замуж, а в начальницы? Ни семьи, ни детей...»

Спустя несколько недель и впрямь народу поубавилось, а с Лилией произошли удивительные перемены. После очередного приема людей прилегла она было малость отдохнуть, но вдруг сильно застонала. Салават подошел к ней:

— Что случилось, ты заболела?

Лилия не спала, но глаза ее были закрыты, лицо издавало страдание.

— Что с тобой? Где болит? — не на шутку встревожился Салават.

— Вижу бегущих оленей, непрерывно бьют в бубен. Меня окружили страшные существа. Самый большой из них замахнулся огромным, с короткую саблю, ножом, отрезал мне голову, достал мозг и с наслаждением начал пожирать... Уф-ф...

Салават распростер руки и наклонился над ней, желая оградить от невидимых злодеев. А Лилия продолжала:

— Второй выковырял мои глаза ножом и проглотил. Третий отрезал уши, торопливо жует их. Тот великан вспорол мне живот, остальные бросились растаскивать мои внутренности. Отрезают сердце, почки, желудок, легкие, смачно пожирают... Все время слышен бубен.

Тут он понял кое-что и вздохнул спокойно. Вспомнил, что где-то читал о ритуале разрезания, который энергетически проходят шаманы.

— Успокойся, тебя наделяют даром шаманства. Духи в разном облике энергетически пожирают твои органы. Потом они тебе за это заплатят: кто что съел, тот именно те человеческие органы и поможет исцелять...

— Уф-ф... Но жутко-то как — заживо едят, чавкают смачно, глотают...

— Лежи спокойно, терпи. Раз уж тебе решили даровать шаманские способности — надо, наверное, принять.

— А что же мне остается... Ну когда же кончится этот ужас? — Лилия замолчала.

Салават просидел с Лилией довольно долго. Наконец она заговорила:

— Доели, ничего от меня не оставили. Снова вижу бегущих оленей. Непрерывно бьют в бубен. Ужасные существа заарканили одного оленя, привели и толпой накинудись на него. Бедное животное, с полными

слез глазами, жалобно смотрит на меня. Будто хочет что-то мне сказать. Но его повалили, зарезали, ловко ободрали. Из части шкуры быстренько сделали бубен. Из остатков сшили зиянь¹, украсили по краям тесьмой, кистями и позументом, расшили плечи и грудь узорами разными, приладили золотую пряжку с блестящими камнями и торжественно накинули на меня. А в руки вложили тот бубен. Взнуздали еще одного оленя, посадили меня на него и с гиком погнали. Мой олень на скаку поднялся ввысь, и полетели мы по ночному небосводу.

Вот я облетела наш город. Извергая сильный огонь из глаз, много накопившейся грязи сожгла. Теперь велят пролететь над всей страной, сжечь темную и грязную энергию... — Чуть помолчав, вспотевшая Лилия продолжила: — Пламя из моих глаз усилилось — мигком сжигаю всю черную нечисть, что встает на пути, оставляю от них только черный дым. Пролетела семь слоев неба, поднялась в космос. Как здесь прекрасно! Удивительный простор, невозможно окинуть взглядом эти дали! А краски такие яркие, необычные... Эту красоту невозможно описать словами: невиданные мной доселе удивительные цвета, ослепительно яркие звезды, мерцающие, как драгоценные камни! Их не счесть, и формы их неопишутемы... Слышу чудесную космическую музыку. Неслышанно притягательная мелодия будоражит мне сердце. — Она умолкла, но спустя несколько минут добавила: — Велят вернуться обратно на землю. Лечу в бездонную черную пропасть. — Лилия застонала, стала дергаться, лицо ее покрылось испариной.

Встревоженный муж отер полотенцем ее лицо и руки. Подумал, что жена в бреду и хотел разбудить, но она продолжала тяжело ворочаться.

В конце концов Лилия пришла в себя и открыла глаза.

— Что с тобой было? — обеспокоенно спросил у нее Салават.

— Заново родилась. — Лилия облегченно вздохнула.

А Салават непонимающе переспросил:

— Как? Откуда?

— Из материнской утробы... С большим трудом появилась на свет.

Салават задумался. Потом предположил:

— Похоже, какие-то высшие силы заново родили тебя как знахарку, целителя и шаманку.

— Может, и так... — Лилия встала с места. — Вся пропахла вонючим, липким потом. Пойду в душ.

* * *

На другой день случилось странное событие: вдруг появилась Науфиля. На лице ее блуждала таинственная

¹Зиянь (этно.) — верхняя легкая одежда на подкладке.

улыбка. Последнее время она, пребывая в восторге от неожиданно открывшихся способностей Лилии, очень сблизилась с двоюродной сестрой. Пройдя в квартиру, Науфиля с радостным предвкушением достала из пакета нечто, завернутое в тряпку:

— Вот, апай, тебе передали.

Это был бубен. Салават с Лилией переглянулись и усмехнулись.

— Кто передал? — спросила Лилия.

— Иду я по базару — вдруг передо мной возникла смуглая женщина с длинными черными волосами. Сказала, мол, это передали твоей сестре Лилии издалека, и всучила сверток. Не успела я даже расспросить, от кого, она уже исчезла, словно растворилась в воздухе. — Науфиля протянула музыкальный инструмент сестре.

Та аккуратно взяла его и легонько гладила пальцами.

— Этот бубен — мой... — Лицо ее осветила довольная улыбка.

А в голове Салавата молнией пронеслась догадка: так вот почему Лилия всю жизнь хворала — у нее была шаманская болезнь¹!

* * *

После получения шаманских способностей Лилия начала применять в обрядах бубен, и ее знахарская сила

¹ Будущие шаманы, до того как получить свою «должность», частенько болеют по непонятным на первый взгляд причинам.

умножилась, работа стала гораздо плодотворнее. При всем том сама она была собой недовольна. После долгих раздумий она обратилась к Салавату:

— Чтобы развиваться дальше, мне нужно выбрать школу и учителя.

— Ты и так набрала силу, да и твое лечение стало эффективнее, — постарался приободрить ее Салават.

— Так-то оно так... Но сколько же приходится мне отлеживаться после приемов, чтоб восстановиться! Значит, я уязвима. Надо научиться способам защиты себя, тебя и детей от мести темных сил.

— Думаешь, они злятся?

— Конечно. Получается так, что мы делами своими ведем с ними жестокую борьбу. На меня у них сил не хватит... Потому обязательно будут мстить, подталкивая тебя и детей к дурному, постараются разрушить нашу семью.

Салавату стало не по себе:

— Что ты предлагаешь?

Лилия положила перед ним журнал «Оракул»:

— Вот, я выбрала школу и учителя по душе: школа космоэнергетики Джамиила Базарова, город Москва, улица Рязанская, дом 17. Занятия начнутся через три дня.

Салават растерялся:

— А сколько они продлятся?

— Начальный курс — неделя.

Немного поразмыслив, Салават решил:

— Одну тебя в Москву не отпускаю, повезу сам.

Лилия посветлела лицом:

— Ладно, поедем вместе.

* * *

Убаюканные покачиванием купейного вагона скорого поезда, они за сутки доехали до Москвы.

Школа космознергетики находилась недалеко от Казанского вокзала. Без труда отыскав ее, заполнили в приемной необходимые бумаги, заплатили за учебу пятьсот долларов, и Лилию тут же пригласили пройти в аудиторию.

У Салавата промелькнула мысль: не поучиться ли заодно и самому? Но он тут же отказался от этой идеи, потому как к подобному ничуть не лежала душа. Кроме того, он видел свое предназначение совершенно в ином.

Чтобы понять суть космознергетики, а заодно и убить время, Салават придирчиво рассмотрел фотографии на стене, различные дипломы, сертификаты, благодарственные письма, врученные Базарову и его школе, внимательно прочел посвященные им статьи в газетных вырезках, на застекленных стендах.

Фотографии свидетельствовали об общении Джамии Базарова, а также его жены и помощницы Индиры Хусу с далай-ламой, буддийскими монахами Индии и Тибета, надо полагать, духовными учителями, о получении от них знаний и благословения. Оказалось, Джамиль Базаров — бывший инженер-конструктор, а Индира Хусу — врач, даже кандидат медицинских наук.

В приемной не иссякал поток людей. Сидевшая на месте секретаря полноватая молодая женщина по имени Светлана одновременно исполняла обязанности и бухгалтера, и кассира: делала отметки в журнале, пересчитывала и складывала в ящик стола доллары.

Как узнал Салават, в школу Базарова приезжали учиться не только со всей России, но и из стран бывшего Советского Союза.

Судя по лицам, здесь учатся разные люди... Внимательно рассмотрев их, Салават испытал легкое разочарование: личностей с отблеском высокой души, большого ума или некой харизмы на лице практически не наблюдалось. У всех была вполне заурядная, даже серенькая внешность. Салават предполагал, что в известную на всю страну школу космознергетики поступают учиться исключительно способные, как Лилия, люди, и наверняка попадают сюда лишь после серьезного экзамена. Оказалось, для обучения здесь не нужно никакого таланта, у кого есть желание и деньги — тот и приходит.

Если бы случайный прохожий забрел сюда и прислушался к разговорам здешних учеников, непременно бы решил, что очутился в сумасшедшем доме.

Вот о чем беседовали вышедшие на перемену курсисты.

— Сначала я пробурила колодец до самого центра Земли. Потом открыла Фарун-Будду, вскрыла грудную клетку больного, поставила туда дренаж, включила моторчик и выкачала всю грязь туда, — с жаром рассказывала заурядной внешности толстуха средних лет.

Длинный и болезненно худой мужчина с сальными волосами серьезно полюбопытствовал:

— А сама-то ты не забыла надеть панцирь?

— Нет, как же я забуду...

К странной беседе присоединилась молодая женщина несколько изможденного вида:

— Было бы надежнее, если б вошла в золотую пирамиду...

— Но ведь золотая пирамида охраняет от зла из космоса, — с умным видом перебил ее длинный.

— ...А потом открыла Фираст и обдала целебным душем, — закончила рассказывать толстая женщина.

— У тебя и Фираст есть? — поинтересовался мужчина, почесав затылок.

— Да, я его еще весной оплатила.

— А почему весной давали Фираст? — заинтересовалась усталая женщина.

— По триста долларов.

— Нынче немного скинули цену: двести пятьдесят стоит, — заметил мужчина.

— Если берешь сразу три-четыре канала, получаешь хорошую скидку, — сказала толстуха.

Наконец из дверей аудитории показалась и Лилия.

— Все давно уже вышли на перемену, а ты куда запропастилась? — с тенью недовольства спросил подошедший к ней Салават.

— Были вопросы к учителю, поэтому задержалась.

— Какие вопросы?

— Потом скажу.

Учеников снова позвали в аудиторию.

— Ладно, осталось последнее занятие, подожди еще немного. — Лилия снова оставила мужа.

Из аудитории вышел сам Джамиль Базаров. Это был человек среднего роста, лет сорока пяти, с длинными волосами, собранными в конский хвост на резинке. Усталое бледноватое лицо, синеватые губы. Видно, что доллары тоже нелегко ему достаются...

— Здравствуйте, Джамиль Петрович! — Салават встал с места, улыбнувшись, поздоровался с ним за руку.

— Здравствуйте. — Базаров вопросительно взгляделся в него. — Вы приехали учиться?

— Нет, привез жену.
— Понятно. А откуда приехали?
— Из Башкортостана.

— Из Башкортостана? Кажется, оттуда еще к нам никто не приезжал. — Базаров посмотрел на секретаря Светлану.

Она тут же затараторила:

— Да, Джамиль Петрович, из этой республики еще никто не приезжал учиться, жена этого господина записалась первой.

— Хорошо, хорошо...

— А вы, Джамиль Петрович, бывали у нас? — поинтересовался Салават.

— К сожалению, нет.

— Вам обязательно нужно увидеть наши края! Знаете, какие уникальные достопримечательности имеются в Башкортостане? Чего стоит только знаменитый древний городок Аркаим! А известная на весь мир пещера Шульганташ?! В пещере сохранились рисунки, выполненные тридцать шесть тысяч лет назад. Я думаю, тайна этой пещеры до сих пор не раскрыта. Чтобы хоть немного понять ее чудеса, нужно внимательно несколько раз прочесть великий эпос башкир «Урал-батыр». У входа в Шульганташ — загадочное бездонное озеро. Туда пробовали нырять водолазы, но дна не достигли, погибли... Полагают, в пещере имеются пока еще неоткрытые залы... Возможно, те самые сомати¹, которых описал Эрнст Мулдашев в книге «От кого мы произошли?», тоже сидят там в скрытых залах, — коротко рассказал Салават.

Услышав имя Мулдашева, Базаров воодушевился.

— В пещере Шульганташ есть сомати? — спросил он с живым интересом.

Салават смутился от неожиданности:

— Я не утверждаю, лишь предполагаю, что они могут находиться в неоткрытых пока залах пещеры.

— А-а-а, — разочарованно протянул Базаров. — А я было подумал, что в пещере Шульганташ и вправду сидят сомати из книги Мулдашева.

Салават испытал неловкость, будто его уличили во лжи:

— Могу лишь предположить такую вероятность. Если бы вы смогли поехать в Шульганташ, то с помощью своих способностей выяснили бы это.

— Хорошо, мы подумаем о поездке. Спасибо за интересное предложение, — ответил Базаров, немного подумав, и направился в аудиторию.

После окончания занятий поехали в Наро-Фоминский район Подмосковья, в гости к бывшей однокласснице Лилии. Всю дорогу говорили о космоэнергетике.

— Что это такое? Как она появилась в России? Ваши учителя не похожи на шарлатанов? — выведывал у жены Салават.

— Космоэнергетика — способ лечения болезней и очистки от энергетического загрязнения с помощью энергий из космоса.

— Кем же посланы на Землю эти энергии?

— Это чистые энергии, ниспосланные Всевышним для оздоровления человечества.

— Но ведь Он ниспослал человечеству религии, разве этого мало?

— Видимо, в эпоху Армагеддона этого недостаточно...

— А что представляет собой космоэнергетика? Когда она возникла?

— Тибетские монахи десятки, даже сотни лет проводили в групповой медитации, после чего Всевышний ниспослал человечеству космоэнергетические каналы в виде целительных лучей. Во время Великой Отечественной войны с одной стороны — Гитлер, с другой — Сталин снарядили в Тибет экспедиции для получения этих каналов.

— Гитлер и Сталин? Оба они были тиранами. А что если эти каналы посланы темными силами, чтобы ввести человечество в заблуждение?

На лице Лилии отразилось недовольство:

— Да нет же! Космоэнергетические каналы несут миру только добро: исцеляют почти от всех болезней, очищают от всякой грязи, избавляют людей от дурных, даже смертельных привычек — пьянства, наркомании. Как можно подумать, что эти каналы от темных сил?

— А в Россию...

— В нашей стране метод космоэнергетики распробовал Петров, он получил эти знания в Тибете.

— Значит, Петров. Базарова этому методу тоже он научил?

— Да, Петров — учитель Базарова, — подтвердила Лилия.

— А где сейчас сам Петров? — продолжал допытываться Салават.

— Говорят, Петров сейчас не занимается космоэнергетикой, прекратил свою деятельность.

Салават глубоко задумался. А мысленно предположил: «Может, Петров разочаровался в космоэнергетике?» Честно говоря, Салават пытался понять, верно ли утверждение Лилии и ее учителей, что эти энергии

¹ Сомати — избранные люди, на протяжении тысячелетий пребывающие в скрытых пещерах в состоянии анабиоза, способные после каких-либо глобальных катаклизмов возобновить человеческую жизнь на Земле.

ниспосланы человечеству Богом? Сомнения одолевали его.

После недельного обучения Лилия получила диплом и положенный каждому выпускнику лечебный канал под названием Фарун-Будда. Вдобавок она приобрела за отдельную плату каналы Миди, Гектас и Фираст.

Оказалось, у космоэнергетов существует своя иерархия. Чтобы стать мастером, нужно получить сорок каналов. Для этого необходимо десять тысяч долларов. Магистр же обязан владеть двумястами каналами. Есть и высшая степень постижения космоэнергетических знаний — прогрессор.

Разумеется, нельзя сразу получить степень мастера, с ходу выложив учителям десять тысяч долларов. Надо еще научиться работать с принятыми каналами с помощью разных упражнений. С этой целью следует заниматься несколько раз в день. Кроме того, даже за неделю невозможно усвоить все каналы мастера. Если такой поток энергии ворвется в сознание неподготовленного человека, он может сойти с ума.

Таким образом, Лилия вернулась из Москвы, как она сама выразилась, став самым первым космоэнергетом в республике. К тому же сменила имя: теперь ее следовало звать не Лилия, а Лилит. «Так велели слыше», — кратко объяснила она.

Кстати, в столице она в корне поменяла отношение к оплате своих услуг. Учителя Лилит объяснили просто: дескать, бесплатно — значит, «бес платит». Потому что за все и за любой труд необходимо платить. Даром ничего делать не надо, да и нельзя. По их мнению, в таком случае платит шайтан, а уж он потом потребует за это непомерно высокую цену...

* * *

По приезде из Москвы Салават занялся своими магазинами. Конечно, назначив в свое отсутствие ответственного человека, он каждый день звонил и справлялся о состоянии дел. Однако, как говорится, за глазами — что за горами: никто не будет стараться так, как если бы работал на себя.

Вечером, вернувшись домой, Салават увидел: опять Лилит лежит вся в поту и стонет. Сердце едва не выскочило из груди. Он подбежал к ней:

— Что с тобой?

— Ох-х, внутри меня... война идет... — Лилия облизнула пересохшие губы и расширенными от боли и страха глазами уставилась на Салавата.

Он испугался, как бы жена с ума не сошла.

— Что ты говоришь? Какая война? — В голове перепуганного не на шутку мужчины уже который раз пронеслась мысль: «Какой же я глупец! И зачем только

связался с этой Зульфией? Жил себе, горя не знал. Не было печали — черти накачали. Что теперь поделаешь, сам виноват. Остается только терпеть».

— Ох-х, во мне, правда, идет война настоящая...

— Объясни, что за война такая? Кто с кем воюет?

— Ох-х, свои энергии, шаманство борются с каналами космоэнергетики!

Оторопевший Салават не знал, что и ответить. Наконец пришел в чувство:

— Но почему они не схватились еще там, в Москве?

— Ох-х, наверное, решили схитрить — выжидали тихонько. Ведь в Москве рядом были сильные учителя, видимо, остерегались их.

Противоборство энергий в Лилит продолжалось три дня и три ночи. Потом резко прекратилось. Жена не могла сказать точно, кто кого одолел в этой войне. Салават полагал, что победили каналы космоэнергетики. Хотя как знать... Может быть, две разные энергии пришли к перемирию, приняли решение как-то ужиться, вести совместную деятельность. Однако Лилит после трехдневной войны перестала в обрядах использовать бубен. Взяла в руки столь дорогой ее сердцу музыкальный инструмент, с тоской, словно в утешение, погладила. Затем, бережно завернув в шелковое покрывало, спрятала в кладовку. Бывает, в некоторых трудных случаях с сожалением вздыхает: «Эх, как силен был мой бубен, мои методы! Все хвори как рукой снимала. А с каналами приходится работать дольше. Зато безопаснее...»

После учебы в Москве Лилит стала работать так: выстраивает посетителей в ряд, выключает свет и включает специальную музыку. Затем, прошептав секретные коды, открывает каналы космоэнергетики. Потом подходит к каждому — не прикасаясь, держит ладони на нужных местах. Сеанс под каналами длится около часа.

А то, что эти каналы реальны, Салават каждый вечер видит своими глазами. Когда они ложатся спать, Лилит открывает канал Фираст — и он начинает ниспадать сверху в виде розовато-фиолетового потока, заполняя всю спальню. До открытия канала Салават из любопытства лежит, подняв обе руки ладонями вверх. Прошепчет Лилит код — отчетливо видимые руки в течение нескольких секунд исчезают в розово-фиолетовом тумане...

Они не засыпают сразу, подолгу лежат, беседуя. Вот и сегодня Салават завел разговор:

— Как ты думаешь, почему Всевышний так жестко запретил прелюбодеяние, внес в ряд смертных грехов, даже приравняв к убийству?

— В школе космоэнергетики нам рассказывали, что в момент соития мужчины и женщины никах невидимой завесой прикрывает и оберегает их. Если же они не в браке, то остаются без защиты и сильнейшую энергию,

возникающую во время соития, забирают себе темные силы.

Салавату стало не по себе: если это предположение верно, то сколько же энергии высосали из него темные силы за всю жизнь? Помолчав, он продолжил:

— Может быть... А я понял так: измена приводит к оскудению любви. Супруги остывают друг к другу, от их ссор и скандалов страдают дети. От этой напасти мучается не только семья, но и близкие родственники.

— Я как вспомню время, когда ты путался с Зульфией, душа стынет. Как я смогла пережить такое, как с ума не сошла?

— Не дай бог...

— Да, пусть нас уберезжет Аллах. А наши девочки до сих пор не могут простить тебя за Зульфию.

— Простят ли когда-нибудь?

— Не знаю.

— Я ведь осознал свои ошибки, оставил прелюбодяние, ступил на верный, прямой путь. И не забывай: те страдания стали для тебя толчком к раскрытию целительских способностей. В борьбе с Зульфией ты обрела себя. А теперь своим даром исцеляешь людей, очищаешь их от колдовства и порчи, делаешь добро. В твоём случае подтвердилась теория диалектики Гегеля: борьба противоположностей — источник развития. Да, сложная штука жизнь! Получается, иногда даже греховные действия могут подтолкнуть на верный путь?

— Выходит, что так, наш случай тому подтверждение. А знаешь, в чем состоит мой священный долг? — с воодушевлением спросила Лилит.

— Нет.

— Я должна спасти наш род от влияния колдовского приворота деда Кинзягула. Мне нужно разорвать цепь наказаний. Хватит, мы уже достаточно натерпелись за дедов грех.

— А это дело дозволенное?

— Вчера мне как раз Кинзягул-ола¹ приснился. Сказал, что только я смогу избавить нашу родню от бесчисленных наказаний.

— Пусть будет к добру твой сон...

— Аминь. И еще сегодня мне ниспослана очень важная информация: решено дать тебе посвящение².

— Что за посвящение? — растерялся Салават.

— Высокое посвящение! За то, что ты смог обуздать свои пагубные страсти, перешел на сторону добра и борешься против зла, тебе решено дать очень высокое посвящение.

— Что это значит?

— Я еще и сама полностью не вникла. Что велели, то и передаю тебе. Смысл этого посвящения рано или поздно поймешь сам. А сейчас ты просто должен с благодарностью принять его.

— Каким образом?

— Нужно стоять под каналами космоэнергетики для очищения. Пока полностью не очистишься духовно, высокое посвящение принять не сможешь.

Вспомнив о своих бизнес-планах, Салават снова спросил:

— И долго мне придется чиститься?

— Каждый день по полтора часа на протяжении двух недель.

— Хорошо, я согласен. Когда начнем?

— Завтра же.

С началом знахарской деятельности тело Лилии почему-то стало холоднее. Салават хорошо помнит: прежде она была гораздо теплее. А отношения между ними, напротив, потеплели. Чувства друг к другу, казалось, спугнутые бесконечными скандалами и залегшие на самое дно их душ, всплыли вновь, перешли на новый уровень.

Салават переживал, что после такого кризиса они уже не смогут поладить меж собой. Оказалось, сердце и разум могут проложить мостик между супругами. Лишь дочери никак до сих пор не могут простить отца: на помирившихся после разлада родителей смотрят искоса. Недовольны тем, что мать простила его после всего пережитого.

А с Рустамом происходит что-то непонятное. Салават помог сыну поступить в университет, но он не занимался, приходил домой подвыпивший, грубил матери. Мало того, начал подворовывать из дома деньги: если отец не успевал убрать их в сейф, вытягивал из каждой пачки по одной-две купюры. Из-за сына Салават несколько раз уже попадал в неловкое положение перед давними деловыми партнерами. Те звонили и говорили, что, мол, в вашей пачке недостает купюр. Ведь чтобы избежать непосильных налогов, нынче в основном приходится иметь дело с наличными. Салават был в смятении, не знал, как повлиять на сына, увещевания и нотации ничуть не помогали.

Жена винила в этом только мужа: «Сколько семейных денег ты извел на любовниц! Вот сын и повторяет тебя». Когда Салават в отчаянии возражал: «Но я же остепенился, встал на прямой путь! Сколько можно расплачиваться за прошлые ошибки?!», Лилит лишь пожимала плечами.

Позже вскрылась еще одна выходка Рустама: оказывается, он повидался с Зульфией и вместе с ней пил пиво. Еще когда отец путался с ней, она позвонила Рустаму и предложила встретиться, и тот тотчас побежал. Похоже, Зульфия хотела найти в его лице союзника. А Лилит утверждает: она добавила в пиво зелье,

¹ Ола¹ (башк.) — дедушка.

² Речь идет о даровании достойному, избранному человеку каких-то знаний, духовных сил, способностей свыше.

чтобы Рустам пристрастился к выпивке и полностью сбился с пути. Узнав об их встрече, мать продержала сына несколько часов под каналами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хорошо помня, что сегодня первый день подготовки к посвящению, Салават пришел домой пораньше. Тщательно умывшись, встал в центре гостиной и зажмурился. Под каналами обязательно нужно стоять с закрытыми глазами. Он был взволнован.

Лилит включила эзотерическую музыку. Прошептала коды, открыла каналы и приблизила ладони к его груди. Почти сразу из ладоней пошло тепло. Активизировав, как она объяснила потом, одну за другой все чакры, отошла от мужа и села на диван.

Салават начал медленно покачиваться в такт приятной мелодии, будто в ласковых волнах моря...

И накатили думы, словно безудержные волны, набегая друг на друга... «Верчусь как белка в колесе. Ни на миг не останавливается колесо жизни. День бежит за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем. Аргамак по имени Время мчится так быстро, что не угомишься за ним, не настигнешь, не вернешь. В силах ли кто-нибудь обуздать этого аргамака, который, будто испугавшись чего-то, несет колесницу бытия в неведомые дали?»

Скоро семь лет, как мы перебрались жить в город. Все эти годы, гоняясь за деньгами, все больше отдаляюсь от чудесного мира творчества. Вначале мучился, чувствуя себя виноватым. Позже привык утешать себя: мол, завершу очередную сделку и возьмусь за картину. А пламя в сердце все слабеет. А какие удивительные, дивные сны мне снились! В тех снах я лил слезы радости. Сколько фантазии, скрытого смысла в них было! Как часто моя муза приходили ко мне во сне, призывая к творчеству...

Утром Лилит сказала: свыше передали — не вернешься к картинам, Всевышний лишит тебя таланта. Слова жены обожгли мое сердце. О, Господь, прошу, отсрочь свое решение! Я вернусь к живописи. Оправдаю надежды, исполню возложенный на меня долг, напишу произведения, которые могу создать только я.

О Всемилостивый! Безгранично благодарю Тебя за то, что сотворил меня, спасибо за жену и детей моих.

Я всегда знал: отход от своего призвания — это большая трагедия. Ведь оно всегда было первичным для меня. Даже семью я ставил лишь на второе место после творчества. Если семья — цель насущная, первоцель, то любимое дело — цель основная, истинная. Однако золотой телец, погоня за ним, перевернув все вверх тормашками, в одночасье передвинули семью на

первое место. Будучи мужчиной, я не мог позволить, чтобы мои близкие жили в нищете...

Творчество требует, чтобы душа, сердце и ум были возложены на его алтарь и жизнь была посвящена ему. Не получая сих жертв, оно не дает хороших плодов. Золотой телец жаждет такой же цены. Оба они не довольствуются малым...

Мне велено вернуться к живописи... Да, это мое сокровенное желание. Ведь я мечтаю о творчестве, словно заблудившийся в пустыне путник, исстрадавшийся по глотку воды. Сладостная мука и пьянящая радость творчества были высочайшими наслаждениями для меня. Они выше, пожалуй, самых ярких блаженств и соблазнов брэнного мира. Процесс творчества приносил мне глубочайшее удовлетворение, внутреннее ликование, духовный подъем. Окрыленная душа моя будто взлетала в горние выси...

Доведется ли мне вновь испытать это счастье? Сейчас не лучшее время для начала важного дела — луна идет на убыль. Новолуние через две недели. Вот тогда и решусь, снова встану за мольберт. Понимаю, после многолетнего перерыва трудно будет окунуться в творческую стихию. Ведь я не могу писать как другие, когда захочу. Перед тем как начать, долго настраиваю душу и сердце на нужную волну.

Эх, написать бы все, что пожелаю, — без оглядки, невзирая ни на чье мнение! Самый суровый цензор для меня, конечно, Лилит... Ясно, как божий день, она растолкует все по-своему, будет ревновать и обижаться. А раз я опасаясь своими картинами обидеть жену, выходит, я не достиг еще настоящей творческой свободы. Разве возможно, не имея внутренней свободы, подняться до уровня истинного художника и создать великие произведения? Смогу ли я написать когда-нибудь портрет своей первой любви — юной Земфиры? Я ведь всю жизнь мечтал об этом.

Биография моя так сложна и так богата событиями! Поэтому память души многогранна, а жизненный опыт — уникален. Сюжетов столько, что за всю жизнь не воплотить в полотна. Надо найти прежние свои этюды и положить на самое видное место. Чтобы вернуться в творческую колею, начну с них...

Бизнес... Золотой телец не желает отпускать меня, крепко держит. Не подчинит ли он меня себе полностью и не заставит ли всю жизнь гнаться за собой? Чтобы окончательно запутать, лишить дара и оставить с носом. Нельзя этого допустить. А что если я налажу дело как часы, найму надежного управляющего? Может, тогда я смогу одновременно заниматься и любимым делом?

В любом случае я должен вернуться к своему призванию и смыслу жизни — к творчеству, обязан выполнить миссию, возложенную на меня...»

Вдруг что-то начало яростно трясти Салавата, до того чувствующего себя как в челне, покачивающемся на ласковых волнах. Будто в море поднялся неожиданный шторм. Это продолжалось минут пятнадцать, пока сеанс не закончился.

Салават, кряхтя, сел на диван. Смахнув со лба пот, проговорил:

— Ну и задали мне трепку — растрясли всего.

— Свыше объяснили, что тормозат тебя для очищения от накопленной грязи, грехов, измен твоих, чтобы вернуть тебя к своей сути, — пояснила Лилит.

— Так и будут трясти две недели?

— Может быть...

Так прошел первый день подготовки Салавата к посвящению.

Продолжение следует.

